
Олег Олешник
Правильное решение

Олег Олешник

Правильное решение

https://litres.ru/74863953
SelfPub; 2026

Аннотация

«Правильное решение не всегда спасает. Иногда оно просто позволяет тебе жить дальше. Это не то же самое, что счастье. Но это всё, что у тебя есть» (Тамара Лаптева - пилот-оператор).

История, рассказанная пилотом во время длинного прыжка.

Содержание

Буквы 5
Тихо 9
Пояс 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Олег Олешник
Правильное решение

«Правильное решение не всегда спасает. Иногда оно просто позволяет тебе жить дальше. Это не то же самое, что счастье. Но это всё, что у тебя есть»Тамара Лаптева - пилот-оператор

Буквы

Буквы ровные. Это первое, что я вижу, когда шлюзовая тележка выкатывает меня на смотровую галерею дока.

«ЕРМАК». Белым по серому. Каждая — в мой рост. Краска свежая, ещё пахнет. Здесь, конечно, ничего не пахнет, здесь воздух из регенератора. Но мне кажется, что пахнет. Растворителем, как в гараже у отца.

ТТ-417. Тендер транспортный. Шестьдесят метров от носа до дюз. Два маршевых, четыре маневровых пакета, грузовой трюм на сто сорок тонн. Не фрегат. Даже рядом не фрегат. Но мой.

Ну, не совсем мой. Пескова.

— Нравится? — спрашивает Илья.

Он стоит сзади. Руки в карманах комбинезона, подбородок мне в макушку. Он выше на голову, и ему это нравится. Мне тоже. Только я не говорю.

— Нормальный, — говорю.

— Врёшь.

— Вру.

Он смеётся. У него смешной смех — короткий, через нос, как будто чихает. Я влюбилась в этот смех на фрегате, в техническом отсеке, когда он уронил себе на ногу гидроключ и засмеялся вместо того, чтобы материться. Я тогда подумала: ненормальный. Потом подумала: мой.

Мне двадцать два. Я пилот-оператор второго класса. Я налетала на фрегате «Стерх» четыреста часов, из них сто восемьдесят в боевом охранении. Я ни разу не была под огнём. Ни разу. Всё охранение — пустое небо и сигналы, которые оказывались метеоритами.

Ранило меня не в бою. Ранило в шлюзе, когда сорвало крепление контейнера. Контейнер прижал меня к переборке. Таз в трёх местах. Полгода в госпитале, потом комиссия. «К полётам на боевых кораблях не годна. На вспомогательных — годна». Вот и вся война.

Илья написал рапорт через неделю после меня. Его не хотели отпускать. Хороший техник, руки золотые. Он сказал командиру: «Или переводите, или я сам уйду». Перевели.

— Капитан где? — спрашиваю.

— На борту. Лежит.

— В смысле — лежит?

— В прямом. Он болеет, Тома. Лёгкие. Говорят, с Медвежьего привёз, там пылевые бури, фильтры дрянные были.

— Так кто летать будет?

Илья молчит. Потом говорит:

— Ну а ты как думаешь?

Песков лежит в своей каюте, под одеялом, в кителе. Ему шестьдесят. Лицо серое, как обшивка. Усы жёлтые от табака. Курить ему нельзя, поэтому он держит во рту незажжённую трубку.

— Лаптева, — говорит. Не спрашивает, утверждает.

— Так точно, товарищ капитан.

— Брось. Тут не фрегат. Тут все свои. — Кашляет, долго, в кулак. Потом смотрит на кулак. Потом вытирает его об одеяло. — Ты что умеешь?

— Всё, — говорю.

— Это плохо, — говорит он. — Кто умеет всё, тот ещё ничего не пробовал.

Я молчу. Я обиделась, но не покажу.

— Выводи, — говорит Песков. — Я послушаю.

— Отсюда?

— Отсюда. Я его по звуку знаю. Он мне скажет, если ты что не так.

— Вы же на нём не летали. Он новый.

— Они все одинаковые, дочка. Старые. Все старые, даже новые. Ты это потом поймёшь.

***

Рубка тесная. Два кресла, моё — правое, но я сажусь в левое. Песков разрешил. Илья втискивается за спинку, хотя ему не положено, ему положено в машинном. Зоя Рябцева, связист и медик в одном лице, хмыкает, но молчит. Ей тридцать пять, у неё двое детей на Кедровом-3 и муж-диспетчер. Она смотрит на нас с Ильёй, как на котят.

— Док, «Ермак» на отход, — говорю.

— «Ермак», отход разрешаю. Коридор четыре. Счастливо, ребятки.

Захваты отпускают. Это чувствуешь спиной — лёгкий

толчок, будто кто-то отпустил твою руку. Маневровые. Чуть-чуть. Нос уходит из ворот дока, и вот она — чернота, и в ней огни платформ, и полосой — пояс. Кедровый. Красный карлик, тусклый, как уголь под пеплом.

Маршевые на десять процентов. Корабль вздрагивает. Ровно, без дребезга. Новенький.

В интеркоме — кашель. Потом голос Пескова:

— Нормально. Не дёргай только. Он не любит, когда дёргают.

— Есть не дёргать.

Илья наклоняется к моему уху.

— Через год, — шепчет. — Через год мы с тобой на этой штуке последний раз выйдем. И всё.

— И всё, — говорю.

«И всё» — это дом. Это планета, где есть небо, а не потолок. Это ребёнок. Мы ещё не решили, как назовём. Он хочет Машу. Я хочу мальчика.

Я веду «Ермак» по коридору четыре и улыбаюсь. Я думаю, что это начало.

Я права. Только не знаю, в чём.

Тихо

Первый месяц — как в санатории.

Рейс на «Глухую»: двое суток туда, двое обратно. Медикаменты, фильтры, продукты, почта. Обратно — образцы руды, больные, иногда покойники в мешках. На шахтёрских платформах умирают часто. Обвалы, разгерметизация, просто сердце.

Я это знаю. Я из Верхнего Ключа. Это на Земле, на Урале, шахтёрский посёлок, которого уже нет на картах. Отец был проходчиком. Мама умерла, когда мне было семь. Не в шахте — от почек. В посёлке не было диализа. До города — двести километров, автобус раз в неделю.

Я помню, как отец пришёл с работы, сел на табуретку в прихожей и не стал снимать сапоги. Сидел так до утра. Утром снял и пошёл на смену.

Он не плакал. Я тоже не плакала. Мы оба решили, что раз он не плачет, то и мне не надо.

Ещё помню обвал на третьем горизонте. Мне было двенадцать. Завалило восемь человек. Отец не был в той смене, но пошёл. Три дня они разбирали породу руками, потому что техника не проходила. Мать Витьки Сорокина стояла у ствола все три дня. Вытащили пятерых живыми, троих — нет.

Отец пришёл домой и сказал одну фразу. Я её тогда не поняла. Он сказал: «Своих не бросают, Томка. Даже мёртвых».

***

На «Ермаке» нас шестеро.

Песков — в каюте. Иногда встаёт, приходит в рубку, садится в правое кресло и смотрит на приборы, как старый пёс на дорогу. Ничего не говорит. Потом уходит.

Зоя — связь, аптечка, кухня. Готовит ужасно. Мы едим и хвалим.

Сёма Бортник — грузчик, стрелок, всё остальное. Двадцать пять лет, сломанный нос, бывший боксёр. Носит под комбинезоном нательный крестик и говорит, что не верит.

Карим Ахметов — второй техник, подчинённый Ильи. Молчит. Всегда молчит. Ему сорок, он из Казани, у него руки, как у пианиста, и он может починить что угодно, кроме своей жизни. Так про него говорит Зоя. Я не знаю, что это значит. Мне не интересно.

И Илья.

Мы с ним живём в одной каюте. Это не по уставу, но Песков сказал: «Уставом на тендере вытирают пыль с панелей». Каюта два на три. Койка одна, узкая. Мы спим так, что если один повернётся, второй падает. Падаю обычно я. Он ловит.

Вечерами он рисует на планшете дом. С верандой. С окнами на юг.

— На какой юг? — спрашиваю. — Ты планету выбрал?

— Ещё нет. Выберу такую, где юг есть.

— Юг везде есть.

— Не везде. На станции нет.

Это правда.

Над койкой в медотсеке висит фотография. Мы её нашли в первый же день. Старая, бумажная, распечатанная, приклеенная скотчем к панели. Побережье. Пальмы. Синее море, такое синее, что кажется ненастоящим. Песок. Никого нет. Только пальмы и вода.

— Это кто повесил? — спросила я Зою.

— Не знаю. С верфи, наверное. Кто-то из сборщиков. На память.

— Снять?

— Зачем? Пусть висит. Красиво.

Пусть висит.

***

Песков на исходе месяца зовёт меня к себе. Я прихожу. Он сидит на койке, свесив ноги. Ноги худые, в шерстяных носках.

— Как старый? — спрашивает.

— Кто?

— Корабль.

— Нормально. Левый маршевый греется на выходе из ускорения. Илья смотрит.

— Пусть смотрит. — Кашляет. — Ты слушай, Лаптева. Тут тихо.

— Я заметила.

— Ничего ты не заметила. Тут всегда тихо, пока не станет громко. Вяземские с ТОБОЛом делят поле уже три года. Де-

лят тихо. Подписи, суды, юристы. Но у Вяземских есть свои ребята. На шахтах. Есть свои корабли. Без опознавательных. И однажды им надоест судиться.

— И что тогда?

— Тогда, — говорит он, — ты будешь решать. Не я. Я не встану. Я тебе честно говорю: не встану. Поэтому ты учись решать сейчас. Пока тихо.

— Как учиться?

Он смотрит на меня долго. Потом смеётся, хрипло, и снова кашляет.

— Никак. Это не учится. Это или есть, или нет. Иди.

Я иду. В коридоре думаю: старик бредит. Болезнь, лекарства. Тут тихо. Тут всегда тихо.

Пояс

Громко становится на шестьдесят первые сутки.

Рейс обычный. Трюм — медикаменты для «Глухой»: антибиотики, кровезаменитель, два контейнера с регенераторами тканей, потому что на «Глухой» неделю назад был пожар в обогатительном цеху. Двенадцать обожжённых. Мы везём им жизнь. Так Зоя сказала, когда грузились. Я подумала: пафосно. Но промолчала.

Через девять часов после отхода Зоя снимает наушник и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.